

© 1992 г.

Т.Г. ТАТИДИНОВА

СОЦИАЛЬНАЯ РЕАДАПТАЦИЯ БЫВШИХ ЗАКЛЮЧЕННЫХ

ТАТИДИНОВА Татьяна Геннадьевна — аспирант кафедры социологов и социальной работы Института молодежи. В нашем журнале публикуется впервые.

Реадаптация освобожденных из мест заключения — процесс многогранный. Он охватывает комплекс вопросов их нравственной, психологической, практической подготовки к жизни в обществе, освоения ими новых социальных ролей, восстановления полезных контактов, устранения или нейтрализации отрицательных факторов, препятствующих возвращению данной категории граждан в русло честного, согласующегося с законом, существования. А также, разумеется, активного управления этим процессом со стороны государственных и общественных организаций.

Положение ранее судимых осложняется тем, что в период лишения свободы они, повседневно подчиняясь строгим правилам тюремного распорядка, утрачивают способность к самостоятельности, отвыкают от необходимости заботиться о себе, во всем полагаются на «предусмотрительность» администрации. И при выходе «на волю» не всегда готовы проявлять достаточно энергии для того, чтобы включиться в трудовую деятельность, подчас склонны идти по пути наименьшего сопротивления, чреватого преступным рецидивом. На личность преступника, отбывшего наказание, практически нельзя воздействовать эффективно, не внося коррективы в непосредственно окружающую его социальную среду, не меняя способы взаимодействия с этой средой.

Объектом исследования нами выбрана молодежь прежде всего потому, что сегодня наблюдается «омоложение» преступности. Доля несовершеннолетних в общем числе выявленных преступников постоянно растет; если в 1985 г. она составляла, 10%, то в 1989 г. — уже 16,3% [1, с. 81]. В результате выборочного обследования группы рецидивистов установлено, что очень многие (61,8%) впервые совершили преступление, будучи несовершеннолетними: в возрасте до 14 лет — 8,2%, в 14 лет — 10%, 15 лет — 14,5%, 16 лет — 10,9%, 17 лет — 18,2% [2, с. 74]. До 3/5 рецидивов приходится на лиц, начинавших свой преступный путь в несовершеннолетием возрасте [3, с. 338].

Отличительные черты молодежи проявляются в желании испытать новые ощущения, недостаточном умении прогнозировать последствия собственных действий, повышенной тяге к независимости. Сюда же отнесем и отсутствие жизненного опыта, восприимчивость дурного влияния, стремление к групповому общению, склонность к подражанию, эмоциональную избыточность, обостренное желание самоутверждения [4, с. 64; 5, с. 5]. А те молодые люди, которым пришлось претерпеть тяжесть уголовного наказания (и значит прервать естественный ход социализации), попадают еще и под пресс неминуемого испытания — возврата к нормальному гражданскому статусу в условиях, порой весьма неблагоприятных.

Хабаровский край, на примере которого рассматривается тема настоящей статьи, имеет ряд особенностей, прямо или косвенно воздействующих на состояние преступности в регионе. Анализируя ее динамику, уместно подчеркнуть, что наибольшее, число совершивших преступления в возрасте 14—15 лет в период с 1987 по 1989 гг. (68,9%) проживали в крупных городах: Хабаровске (25,6%), Комсомольске-на-Амуре (18,7%) и др. В сельскохозяйственных и северных районах этот показатель значительно ниже (14,1%). Одной из причин такой ситуации правомерно считать интенсивные миграционные процессы, в частности, весомую долю в составе приезжающих тех, кто в прошлом имел судимость [6, с. 1]. К тому же, ежегодно исправительно-трудовые учреждения,

Причины отказа в приеме на работу бывших заключённых, в %

Варианты приводимых мотивов	Возраст, лет				
	17—18	18—19	19—20	20—22	22—25
Из-за отсутствия вакантных мест	—	—	4,8	10,5	4,1 ¹
Из-за низкой квалификации	10,0	15,8	—	5,3	4,1
Из-за судимости	20,0	31,0	28,0	31,0	27,0

расположенные на территории края, освобождают свыше 7 тыс. человек, из которых более 5 тыс. остаются здесь для постоянного проживания.

Материал, полученный в результате нашего анкетного опроса¹, свидетельствует, что социальная реадaptация возможна только в случае, если будет сопровождаться: 1) включением человека в сферу труда (учебы); 2) установлением здоровых семейных отношений (и в родительской, и в своей семье); 3) восстановлением коммуникативных общественных связей; 4) укреплением системы нравственных ценностей как регулятора социального поведения.

Что же мы видим на деле?

Начнем с профессиональной реадaptации, состоящей из множества компонентов (поиск работы или выбор профессии, проблема производственного адаптирования, степень удовлетворенности своим трудом как фактор закрепления на рабочем месте и т.д.). Большая часть респондентов — речь идет о побывавших в заключении — работала (58,8%), некоторые учились (10,6%). Почти 40% испытали при трудоустройстве серьезные препятствия (табл. 1). И хотя внушительное количество молодых людей (68,2%) владели той или иной профессией, в ряду причин, обусловивших отказ использовать их рабочие руки, чаще всего называлась судимость. К сожалению, общество в лице конкретных его представителей вместо того, чтобы позаботиться о тех, кому особенно сложно ориентироваться в непростой нынешней ситуации, подчеркивает их гражданскую ущербность, подвергает, быть может, еще более жестокому наказанию, способствует, по сути, распространению тунеядства, являющегося почвой для рецидивной преступности. Неслучайно в течение 1987—1990 г. неработающими и неуважаемыми юными гражданами было совершено 26,5% всех преступлений в крае [7, с. 3].

Выбор определенного предприятия, организации для части опрошенных проходил под влиянием друзей (22,3%), родителей (5,9%) или по направлению бюро по трудоустройству (19,4%). То, что лишь 7,6% из них пришли на новое место работы, т.к. им нравилась будущая профессия, а 11,8% прямо указали на безвыходность своего положения, говорит, с одной стороны, об ограниченности возможностей выбора, с другой же, об отсутствии особой заинтересованности в труде.

Воспроизводство нормальных семейных отношений также является важным фактором успеха или неудачи социальной реадaptации. Подавляющее число освобожденных стремится вернуться в семью. От того, как встретят родные, как сложатся взаимоотношения, во многом зависит их дальнейшая судьба.

По мнению некоторых исследователей, преступное поведение молодежи не находится в тесной зависимости от таких характеристик, как образование или квалификация родителей, структурная неполноценность семьи, материально-бытовые условия жизни. Все это обретает значение в связи с социально-психологической атмосферой в семье — ее нравственными и правовыми взглядами, установками, ценностными ориентациями [8, с. 54]. Как видно из табл. 2, молодые правонарушители, возвращаясь в родительский дом, зачастую встречаются с той же житейской обстановкой, которая так или иначе способствовала их противозаконным поступкам.

Если же учесть, что до заключения имели место напряженные, а порой и конфликтные отношения в этих семьях (34,8%), то нетрудно предположить: условия реадaptации тут вряд ли будут благоприятными.

¹ Опрос проведен автором в конце 1990 — начале 1991 г. по случайной выборке и охватил следующие группы респондентов; отбывшие (170) или отбывающие (391) уголовное наказание воспитательно-трудовой колонии, работники правоохранительных органов — эксперты (77), представители различных слоев населения (281).

Криминогенная среда в семье совершившего преступление, %

Члены семьи	Злоупотребляют алкоголем	Ранее судимы
Отец	25,3	9,4
Мать	8,8	2,4
Брат	2,4	4,7
Сестра	0,6	—

Воссоздание нормальных коммуникативных связей — еще один из важнейших процессов реадaptации бывших заключенных, установление бесконфликтных отношений в обществе. Поиск общения чаще ведется в знакомой среде, где легче ориентироваться, получать информацию, находить сочувствие. Заметим, около 70% освобожденных вновь попадают в то социальное окружение, которое в свое время пагубно воздействовало на них [2, с. 55]. Вот почему от того, как сложатся отношения между ними и государственными структурами, призванными оказывать им содействие и осуществлять социальный контроль, зависит многое.

Между тем, повсеместное отсутствие специальных учреждений, центров, которые занимались бы реадaptацией отбывших уголовные наказания, создает парадоксальную ситуацию — забота об их благополучии возложена на карательные органы. Практически все молодые люди после выхода на свободу берутся на учет органами внутренних дел. При этом формы контроля не отличаются разнообразием; посещения на дому, беседы. Целесообразность подобной превентивности вызывает серьезные сомнения, ибо ставит всех без исключения освобожденных в положение подозреваемых, создает почву для досужих обывательских толков и пересудов, хотя вполне оправданной сия мера выглядит по отношению к рецидивистам или осужденным условно, как и злым нарушителям режима в период лишения свободы, т.е. тем, кто действительно требует повышенного внимания.

Почти половина опрошенных экспертов — работники правоохранительных органов (46,9%) — полагают своевременным формирование фонда материальной помощи бывшим заключенным. По их мнению, это будет содействовать преодолению многих трудностей. Однако 37,7% придерживаются прямо противоположной точки зрения, считая такие финансовые затраты излишними. Столь же неоднозначно реагируют эксперты на вопрос, нужно ли создавать центры социальной реадaptации. Вероятно, некоторые из них усматривают в этом дополнительные для себя обязанности либо плохо представляют характер деятельности данных учреждений.

Реально оценивая возможности в оказании содействия вернувшимся из тюрьмы, 45% сотрудников милиции указали, что могут в основном помочь им трудоустроиться, но 11,7% практически признали свою беспомощность в решении их проблем. Симптоматично, что число разуверившихся увеличивается в зависимости от возрастания служебного стажа. По-видимому, низкая, а нередко отрицательная оценка реадaptационной работы общественностью, необходимость постоянно преодолевать бюрократические преграды, и на этом фоне высокий уровень рецидивной преступности, при настороженном, порой враждебном общественном мнении о ранее судимых, приводит милицейских служащих к мысли о бесполезности своих усилий.

Следствием многолетней карательной практики государства явилось массовое убеждение в неизбежности жестоких репрессий в борьбе с преступностью. Так, согласно одному из исследований, от 30 до 55% граждан оценивают нынешнюю судебную деятельность как либеральную, 73% исходят из того, что чем суровее наказание, тем лучше соблюдается закон, 53% требуют расширения рамок санкций, предусматривающих лишение свободы [9, с. 10]. Это само по себе тревожно. Но куда тревожнее, когда обыденное сознание начинает связывать лавинообразный рост преступности с процессами демократизации, усматривая в этом источник всех бед. Не сродни ли сему и бездумное, иногда злое, нетерпимое отношение к побывавшим в заключении, часто основанное на стереотипах. Они образуют предвзятое, опирающееся не на рациональное осмысление явления, а на выведенное из стандартизированных суждений и ожиданий мнение, которое отражает установку определенных общественных групп. Изложенное подтверждается нашим исследованием.

В силу особенностей Хабаровского края, о которых упоминалось выше, львиная доля опрошенного населения (85%) располагает известным опытом общения с ранее судимыми.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос "Являются ли ранее судимые социально опасными?", %

Варианты	Пол	
	женщины	мужчины
Да	38,2	55,2
Нет	20,0	19,6
Не знаю	41,8	25,2

Хотя 48,4% респондентов воспринимают их спокойно, позиция многих — свидетельство настороженности (24,2%) или ярко выраженного неприятия как потенциальных преступников (27,8%). Социальную опасность отбывших уголовное наказание видят реальной около половины опрошенных. Отчетливее всех придерживаются такой точки зрения работники правоохранительных органов, руководители, служащие, горожане, т.е. те, от кого чаще, чем от остальных зависит судьба этих людей. Возможность установления с ними родственных связей приемлема только для 8,2%; основная же масса пытается свести всякие контакты до минимума. Примерно 1/5 высказалась совершенно категорично: не желаем иметь рядом с собой бывших заключенных. Здесь явно обнаруживается противоречие мнению большинства (62,6%) о нецелесообразности ограничения места жительства таких граждан.

На уровне общих рассуждений респонденты мыслят гуманно. Но когда дело касается их лично, взгляды нередко меняются. Стереотипизированное мышление не вникает во всевозможные подробности и «тонкости» (скажем, за что и на сколько осужден человек), оно подавляется одним соображением — был в тюрьме, значит преступник, во всяком случае скрытый злоумышленник. Общественное предубеждение создает у подвергаемых гонениям острое ощущение своей социальной исключительности и отринутости, что, естественно, сближает между собой, заставляет держаться друг друга. Неприязнь, а подчас откровенная враждебность к этим «изгоям» может быть источником разного рода конфликтов, возникновения криминогенной обстановки, провоцирования рецидивной преступности.

В ходе опроса выделялась позиция женщин по ряду пунктов. Пример тому — распределение приводимых респондентами ответов на один из заданных вопросов (табл. 3). Женщины более лояльны, терпимы, не очень категоричны к осужденным в прошлом. Очевидно, сказываются психологические свойства и то обстоятельство, что среди женщин немало матерей, жен, подруг тех, кто находился или находится в местах лишения свободы. Поэтому они менее подвержены влиянию стереотипа.

Сами ранее судимые, оценивая отношение окружающих, бесспорно, не могут не замечать, что все-таки многие пробуют им помочь; в первую очередь родные (45,9%) и друзья (27,1%), гораздо реже — коллеги по работе и учебе (10%), соседи (6,5%).

Утверждение морально-нравственных ценностей в сознании бывших заключенных — неотъемлемая составная их социальной реадaptации. Совершивший преступление и понесший за это кару человек сразу по освобождению оказывается в трудных социальных условиях. В первое же после «отсидки» время он, и без того униженный и оскорбленный самым наказанием, неизменно вынужден считаться с положением гонимого и отверженного. Ложная нравственность общества создает для него, недавнего преступника, особые нормы бытия. Таков социальный отголосок прежней судимости.

В оценке жизненных перспектив ранее судимые обычно проявляют сдержанность, характеризуя таковые как неопределенные, неясные (43,5%). Питают надежду на решение своих проблем 17,6%. С разной интенсивностью, у многих опрошенных возникает ощущение своей ненужности, несправедливого к ним отношения (48,8%).

Сложность их корреспондирования с окружающим миром, отчужденность иллюстрируются и тем фактом, что 80% или не очень обращают внимание на общественное мнение о себе, или вовсе выражают полнейшее безразличие. А это не что иное как потеря доверия к обществу, его гуманности, объективности, неприятие его установок. Итог закономерен — механизм воздействия на процесс реадaptации становится трудноуправляемым.

Молодым людям, склонным к совершению преступлений, свойствен разрыв между теми нравственными ценностями, которые они вроде бы признают, и теми, которым фактически следуют. Показатель возможности рецидива — отношение к требованиям закона. Лишь

Восприятие заключенными уголовной субкультуры в зависимости от отбытых сроков лишения свободы, %

Степень популярности у воспитанников колонии традиций, обычаев уголовного мира	Срок пребывания в неволе					
	от 1 до 3 мес.	около 6 мес.	от 6 мес. до 1 года	от 1 года до 1,5 лет	от 1,5 до 2 лет	от 2 до 3 лет
Очень популярны	13,0	10,7	10,3	2,7	6,7	10,5
О них знают и их придерживаются	18,5	17,9	17,5	24,0	10,0	36,8

14,1 % респондентов считают их выполнение необходимым; 30,6% готовы им следовать до тех пор, пока не затрагиваются собственные интересы. Оттого-то вряд ли можно считать основную массу выходцев из исправительно-трудовых учреждений законопослушными гражданами. Готовность преступить закон — прямой путь к рецидиву.

Нельзя не отметить в качестве одного самых серьезных обстоятельств, затрудняющих реадaptацию, мощное действие субкультуры, процветающей в зонах изоляции правонарушителей, нередко привязывающей случайно оступившихся. Накрепко к преступной среде. Приведенные в табл. 4 данные опроса подростков, воспитывающихся в колонии, подтверждают вывод о том, что места лишения свободы служат средоточием активно возрождающихся и пропагандирующихся уголовных традиций, там велико влияние «воров в законе, на основную массу осужденных, особенно молодежь. Оно проникает, как видим, и в исправительно-трудовые учреждения, где содержатся несовершеннолетние.

Итак, из всех рассмотренных факторов, способствующих 'социальной реадaptации бывших заключенных, нет ни одного, который сколько-нибудь полно реализуется в Хабаровском крае. Полагаем, во многих прочих регионах ситуация не лучше.

Анализ статистики и итогов социологических исследований наглядно выявляет остроту затронутой темы. Незамедлительно требуются специальные меры законодательного порядка. И в первую очередь, гарантирующие соблюдение прав отбывших уголовные наказания, обеспечивающие изменение форм и направленности профилактической работы. В этой связи есть, наверное, смысл обратиться к опыту прошлых лет, в частности, широко использовать деятельность детских судов и инспекций (братьев и сестер социальной помощи), патронажных (попечительских) служб. Важно освободить милицию от несвойственных ей функций в работе с трудновоспитуемыми. Все учреждения, где перевоспитываются подростки, должны обрести «гражданского» хозяина. Сокровенными делами этой возрастной категории надобно заниматься психологам, педагогам, социологам, психиатрам, а не тем, кто представляет «карающую десницу, и вряд ли может рассчитывать на доверительное отношение подопечных.

В стране с трудом, но все же возникают и начинают действовать центры, фонды, движения, комитеты, цель которых — не оставить без всесторонней общественной заботы наших заблудших сынов и дочерей, облегчить всем искупившим вину возвращение к нормальной жизни. Словом, появляется необходимое осознание насущной проблемы, её масштабов и возможных последствий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Преступность и правонарушения в СССР. Стат. сб. М.: Юрид. лит., 1990.
2. Яковлев А.М. Борьба с рецидивной преступностью. М.: Наука, 1964.
3. Криминология. М.: Юрид. лит., 1968.
4. Макишанцев Н.В. Отклонения а поведении подростков // Социол. исслед., 1991. № 8.
5. Миньковский Г.М. Профилактика правонарушений среди молодежи. Киев: Вища шк., 1985.
6. О лицах, осужденных в 1987—1989 гг. за совершение преступлений в Хабаровском крае. Информ. мат. Хабаровск: УВД Хабаровского крайисполкома, 1990.
7. О преступности несовершеннолетних на территории Хабаровского края в 1987—1990 гг. Информ. мат. Хабаровск: УВД Хабаровского крайисполкома, 1991.
8. Кормищиков В.М. Изучение механизмов влияния неблагополучной семьи на формирование личности несовершеннолетнего — важное условие профилактики правонарушений // Личность правонарушителя и проблемы предупрежден ил преступности несовершеннолетних. Мл Всес. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1977.
9. Ошеров М.С. Роль общественного мнения в борьбе с правонарушениями, Л.: Ленингр. дом науч.-технич. пропаганды, 1988.